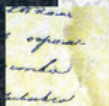

ГРАНИ
ФИЛОСОФИИ

С. Д. Лобанов

О природе
философии

Сергей Дмитриевич Лобанов

О природе философии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11824037

*О природе философии :
ISBN 978-5-4475-3643-5*

Аннотация

В монографии анализу подвергается природа философии. Цель исследования заключается в раскрытии возможности философии, реального содержания (определения) философии. Для достижения этой цели в исследовании ставятся задачи дать аналитику системы определений философии, которую образуют отношения философии и мировоззрения, философии и науки, философии и образа жизни и т.д. Логика исследования образует его структуру, а именно: (общее) введение в философию, анализ философии как вопрошания (проблемного мышления) и отношение к научному познанию в виде «философии науки». Анализ вопроса, как возможна философия, данный в монографии, имеет принципиальную направленность на доказательство пользы философии для мировоззренческих поисков, создания (научной) картины мира и понимания современной философии науки. Монография предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей, а также всем интересующимся современной философией.

Содержание

I. Введение в философию	5
Предисловие	5
Глава 1. Особенности философии	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Лобанов

О природе философии

*Посвящается Даниилу Валентиновичу
Пивоварову*

*Без философии с человеком случаются ужасные
вещи.*

Г. К. Честертон

I. Введение в философию

Предисловие

Слово в современном мире можно сравнить с *вирусом* (от лат. *virus* – яд) – универсальным, проникающим повсюду явлением, *существующим на границе* живого и мертвого, полуреальным носителем различных, прежде всего разрушительных для живого, воздействий. «Полу- реальность» слова означает, что оно все более становится частью *символического обмена* в обществе, когда посредством всеобщих символов-подобий (пластических движений и материалов) естественные явления, вещи и события заменяются на искусственные, например, «живой голос» на его тот или иной вид записи. Естественное в этом процессе не исчезает, но становится производным, зависимым от искусственного. Другими словами, возникает особая, *виртуальная* (от лат. *virtus* – качество внешнего проявления, доблесть, внутренняя сила), созданная человеком реальность. Слово-знак оказывается элементом неимоверно разрастающейся системы виртуального, прежде всего в средствах массовой коммуникации, настолько, что слово все более «забирает» энергию у природных стихий, приобретает их силу и, далее, превосходит их – становится иным, чем-то «сверхъестественным». Тогда

слово из средства отождествления, установления смыслов и значений превращается в постоянно ускользающую от анализа цель. Например, в современном мире панический ужас может быть вызван сообщением о некотором явлении, но не самим явлением, которое, лишённое своей естественности, напротив, может вызывать притягательный интерес и любопытство. С этой точки зрения, современная культура характеризуется универсальными возможностями, по сравнению с прошлыми эпохами, и *усилиями сделать все видимым, слышимым – выраженным*.

Это обстоятельство хорошо передается формулой: «Существует то, о чем можно что-то сказать, или что можно как-то выразить». Эта формула усиливается её обращением, а именно следующим положением: «То, о чем сказывается, только это и есть, существует». Подобные усилия-усиления-утверждения ведут к тому, что Слово («Логос») стало языком-словами, а язык – набором сигналов, любых материальных явлений, меток, т.е. следов-следствий некоторых событий или действий. Поэтому, например, произнесение, написание, прочитывание слова «философия» вызывает различные ряды воздействий-впечатлений (звуковых, зрительных, моторных и т.д.), которые ведут в качестве следов-меток к различным представлениям о философии – от весьма скучной и ненужной вещи до чрезвычайно возвышенного дела. В случае учебного курса, например, философия – это то, что читается на лекциях преподавателями и сдается (об-

ратно) студентами на экзамене.

Предварительная и самая первая встреча с философией происходит при знакомстве с услышанным или прочитанным словом «философия», которая может продолжиться чтением какого-либо словаря для определения значения этого слова. Однако в этом случае всегда будет сохраняться ощущение или понимание того, что философия здесь только слово-след еще неизвестно чего. В то же время значения слова «философия» скрывают в себе истину того дела, явления, события, которое этим словом обозначается (отмечается). Этимология (учение о значениях слов) входит в учение об истине. Это означает: исследование того, что такое философия, вполне может иметь своей основой-началом анализ слова «философия».

Итак, [1] *философия* (греч. *fileo* – люблю и *sofia* – мудрость) – это любовь или стремление к мудрости, смыслу.

Однако, что такое мудрость? Если философия – это стремление к смыслу, мудрости, то это означает, что *необходимость философии* определяется тем, насколько люди *нуждаются* в мудрости. Обычно мудрость связывается со знанием сути жизни, умением достичь счастливой, блаженной жизни и её продления, житейским опытом (опытом глубоких переживаний) и пожилым возрастом. Против этого утверждения может быть выдвинут довод (лат. *argumentum*): *счастье* столь неопределенно, неуловимо и непостоянно, что всегда возникает сомнение в его существовании, а сами по

себе ни возраст, ни житейский опыт и «знание жизни» не сопровождаются появлением подлинной мудрости, весьма ограничены, и есть, к примеру, немало пожилых людей, отмеченных лишь внешними чертами мудрости, *а где её взять молодым?* Кстати, это обстоятельство служило предметом обсуждения для древних философов – в каком возрасте следует начинать занятия философией? Не рановато ли в юности и не поздновато ли в старости?

Следующий шаг в понимании того, что такое философия, может заключаться в отнесении *философии- мудрости* к тому, что древние греки называли *эпимелейя* (греч. *epimeleia*) – заботой о себе, связывая её с гигиеной тела, гимнастикой, уходом за своим окружением (домом и близкими) и, главное, заботой о своем уме.

[2] *Философия – это забота о себе, прежде всего забота о своем уме. (Философ тот, кто заботится о своем уме).*

Философия-мудрость тождественна образу жизни человека. Как человек мыслит, какие разделяет философские принципы, так он и живет. Это – прежде всего практическая философия, основа действий человека, направляющая его поступки, особенно в переломные моменты жизни индивида и переходные эпохи истории. Здесь *личность философа и есть его философия*, или так: *личность и философия тождественны; философия есть история личности, её образ жизни, то, что происходит с чело-веком.*

Положительное значение, отличное от отрицательного

принципа эгоизма, принципа заботы о себе заключается в установлении места – топологии (греч. *topos* – место) истины, а именно: индивида, каждого отдельного человека. В самом деле, каким образом существует истина? Понятие истины парадоксально в том смысле, что истина имеет по своей природе объективный, безличный характер, с одной стороны, и личный по своему предназначению – с другой. Другими словами, является ли истиной то, что никоим образом не затрагивает, не волнует человека, не воздействует на него и изменяет (преобразует) его? Принцип заботы о себе раскрывает *живую истину, способность человека быть местом-носителем истины, когда истина вообще воплощается в истинных чувствах, мышлении, поступках, воле и т.д.* Принцип заботы о себе предполагает работу над собой, возделывание себя, своеобразную дисциплину чувств, тела, ума, что обозначается словом *культура* (лат. *cultura* – возделывание, обработка, уход)¹.

Это обстоятельство ведет к следующему определению философии.

[3] *Философия – это культура ума (мысли).*

Принцип заботы о себе означает, что истинное начало понимания мира и жизни следует искать в себе, а не вовне. Человек не может существовать без внешнего мира, природы,

¹ Фуко, М. Герменевтика субъекта. Курс лекций в Коллеж де Франс, 1982. Выдержки / М. Фуко; пер. И. И. Звонаревой // Социо-логос. Вып. 1. – М.: Прогресс, 1991. – С. 284–311.

других людей. Ему просто необходимо давление внешних впечатлений для нормального существования в качестве живого организма. Однако при соприкосновении с вещами человек всегда имеет дело с их внешними (здесь можно позволить себе слово *вещными*, *вещественными доказательствами*) проявлениями, настолько, что любое движение «вглубь вещей» завершается познанием поверхностей вещей. Конечно, на это можно и нужно возразить: понятие *вещи* является обобщением, и на самом деле *вещей не существует, а есть события* и их последствия, которые и являются действительными предметами воздействий и познания. Этим аргументом подтверждается, но в другой терминологии, сказанное выше, а именно, внешний характер того, с чем имеет дело человек в своих действиях. Это и означает принцип *реализма*: источником познания и истины признается независимая от человека действительность.

Однако есть и другой путь к действительности. Это – погружение, проникновение в свои первичные восприятия, в котором отсутствует деление на внешнее и внутреннее. Такое проникновение в точку (момент) восприятия показывает: если впечатление осталось неподвижным (лишь моментом), то здесь не произошло открытие сути мира; если же восприятие становится непрерывным, длительным, то восприятие становится тождественным и открытым самому потоку жизни, и поэтому – истинным. Здесь изложена позиция французского философа *Анри Бергсона (1859–1941)*.

Последний подход совсем не означает субъективизма или волюнтаризма, принципов, согласно которым *всё* (или почти всё – *основное*) *зависит от человека, индивида или общества*. Этот подход указывает на отправную точку в познании истины и мира, к которым уже не требуется приписывать свойство «внешнее». «Внешнее» предполагает безразличное, *поверхностное* отношение, которое, без сомнения, имеет свои преимущества: дает возможность рассматривать мир в качестве явления, представления, однородности, наблюдаемости, фактичности, измеримости и т.д. Однако в этом случае возникают сложнейшие вопросы движения к внешнему, его основах, причинах, направлениях, средствах, целях, задачах, последствиях и т.д., которые так или иначе решаются через *разрешение вопроса о совпадении, тождестве с внешним, субъективного и объективного, внутреннего и внешнего*.

Признание *началом самого себя* – это не отрицание признания внешнего мира в качестве источника существования, а вывод, добавим – *философский вывод и принцип*, сделанный из признания внешнего. *Принцип автаркии* (букв. греч. *autos* – *сам* и *arhe* – *начало*) означает *возделывание самого себя, культуру себя*, для того чтобы быть способным возделывать внешний мир. Иногда в этой связи спрашивается, когда следует начать заниматься философией? По-видимому, тогда, когда возникает потребность в росте и развитии ума.

В этом смысле принцип заботы о себе, или культуры се-

бя, является прекрасным введением в философию, истоком её происхождения. Философия есть явное или неявное осознание основ жизни отдельного человека, общества и исторической эпохи.

[4] *Философия есть осознанная сущность (квинтэссенция) своей эпохи (времени), её самосознание.*

Познание внешнего мира является формой эволюции человеческого рода, его выживания в природной среде, приспособления к ней, её активного изменения. Однако познание выражает и эволюцию другого рода, а именно: *развертывание в качестве внешней поверхности интересов, потребностей, умственных, сенсорных (от лат. *sensus* – чувство), имагинативных (от лат. *imago* – образ, воображаю) и т.д. способностей людей.* Эта поверхность является своеобразным зеркалом, отражающим образ человека и общества некоторой эпохи, возвращающим человеку его существенные свойства и возможности. Осознанием этого отражения человека в его мире и делах является философия. Здесь преобладают формы собственного: *не мир вообще, а мир человека, не бытие вообще, а бытие-в-мире, человеческое бытие; не время как таковое, а переживание человеком времени; не пространство, а место человека в ряду других живых существ и космосе в целом.* Философия – это своеобразное возвращение человека к самому себе от «растворения» в процессе овладения внешним миром. *Возвращение к философии (Ренессанс философии)* всегда связано с попыт-

ками разобраться, что осталось от человека в его внешней активности.

Философия – это не создание, конструкция или игра какого-либо сознания, а само сознание. Самосознание оказывается мерилом (критерием) свободы и самостоятельности человека, а также мерой ответственности. Дело не в вынесении суждений (оценок) эпохе или времени, а в его понимании. Философию можно рассматривать с точки зрения её социальных источников в качестве выражения отношений между людьми. Поэтому философию довольно часто смешивают с идеологиями, политической риторикой и их толкованиями. Подлинная философия тождественна пониманию своего времени в том смысле, в каком схватывает его суть, основы, и в этом процессе выделения, очищения этой сути философия оказывается весьма далекой от того, что представляется насущным. Например, важнейшей проблемой для современной философии является вопрос об *отношении разума и экзистенции*, который может быть выражен в виде конкретных вопросов об отношении *тотального (всеобщего) и индивидуального, общей воли и личной свободы, безличного (анонимного) порядка и своеобразии каждого индивида, подлинного существования и растворения во все нарастающих формах обмена, жесткого индивидуализма (нарциссизма) и потребности в другом*, и т.д. Следует заметить, этот вопрос является реальным продолжением традиционного вопроса философии, а именно, вопроса об *отношении мышления и бытия*.

[5] *Философия – это обращение (возвращение) к человеческому.*

Философия в поисках оснований как бы стремится вернуть человека к «первобытным», изначальным чувствам, представлениям, мышлению. Все утонченные современные средства воздействия на природу и людей – это лишь средства, и должны быть отброшены при непосредственной встрече с явлениями. Самый верный инструмент познания – это тело человека, но в силу своей «неустановленности» (неопределенности, ведущей к отождествлению с пустотой-ничто) в мире, человек обречен быть естественным и искусственным, непосредственным и опосредованным, рациональным и стихийным существом, мыслимым только посредством подобных противоположностей и всей их суммы. Изначальная космическая неустроенность человека делает из него *эксцентрическое существо, ищущее своё место в мире*. Человек стремится преодолеть свою недостаточность посредством овладения внешним миром – источником высшего, всеобщего, гармонии и целостности, и возвращением с помощью этих ценностей к себе. Такой подход представлен в концепции немецкого философа *Хельмута Плеснера (1892–1985)*.

Согласно другому подходу, человек – это необходимая часть вселенной, обладающая формами всеобщности, например мышлением и символами, без которых мир остается в хаотическом состоянии. Человек – это звено или по-

средник (медиум), без которого мир оказывается неполным и случайным. Это другая форма стремления к всеобщему: от мира к человеку, которая иногда выражается в так называемом *антропном принципе*. Без человека (как родового, так и индивидуального существа) мир является недостаточным, ущербным. Здесь человек – решающее звено в понимании законов природы.

В этих подходах выражается нечто общее – стремление ко всеобщему. Это ведет к следующему определению философии.

[6] *Философия – это осознание (установление) всеобщего.*

Любое философское учение является ответом на вопрос, что такое всеобщее. Из истории философии можно привести примеры решений этого краеугольного для философии вопроса.

I. *Всеобщее существует реально* и является другим, *логическим* обозначением природы, сущего, материи, духа и т.д. Таким всеобщим может быть нечто всегда постоянное: мировая константа, мировая линия, структура (которой соответствует старинное философское понятие «субстанция»), элементарная частица и т.д.

II. Всеобщее – это не формально-логическое понятие, когда согласно закону соотношения объема и содержания понятия всеобщее (родовое) по объему понятие оказывается пустым по содержанию. Всеобщее связано с объяснением и пониманием, которые возвышают, поднимают отдельные яв-

ления до всеобщего.

Тогда, к примеру, дыхание становится Жизнью, Духом или Душой, материал (вещество) – Материей, происходящее (событие) – Историей, существующее – Сущностью, образы – Сознанием, характер действия – слабой или сильной Волей, утверждение – Бытием, отрицание – Ничто, первое во времени – изначальным или Первоначалом, постоянное в изменчивости – Субстанцией, источник активности – Субъектом, и т.д. Объяснение предполагает нахождение своего основания, *понимание-наделение смыслом*.

Наделение части значением исходного понятия (явления, события) дает основу принципа *меризма* (греч. *meros* – *часть*), а целого – *холизма* (греч. *holos* – *целое*). Страдание (в пределе – смерть) может пониматься и в качестве того, что отнимает у жизни её смысл, и того, что наделяет индивида собственно человеческими качествами.

III. Понятие всеобщего открывает другое измерение существующего – *возможность*.

В данном случае следует ограничиться двумя значениями возможного:

1) всеобщее связано с действием обобщения, и здесь возможность открывается через ошибки при обобщении (поспешное, чрезмерное, необоснованное, переход в другой род (смещение) и т.д. обобщение) и посредством *предела обобщения*; возможное здесь – проявление силы, мощи человеческого ума, способного находить всеобщее и устанавливать

его в качестве заранее данного, или *a priori* (лат. «из предыдущего»), а также *a posteriori* (лат. «из последующего»).

2) всеобщее – это объемлющее, которое охватывает не только действительность, но и скрытую способность к изменению, ещё лишь намечающееся; например вечность – это не вневременная сущность, а скорее постоянное, непрерывно длящееся явление, настоящее в качестве расширяющегося мгновение, которое оказывается наполненным чрезмерным содержанием и этим отличается от пустоты однородно-временного отрезка.

Возможность – это всегда нечто подвижное, уходящее и уводящее в прошлое, тождественное началу (априори), или направляющее в будущее и завершающее в нем (апостериори).

IV. *Всеобщее – это норма*, требование, которое создаст определенные явления, более того – строго определенные явления, например, регулятивные идеи, право, идеалы и образцы искусства и морали. Всеобщее представляет собой условие существования таких явлений, обосновывает их право на существование. Такие явления *должны* существовать, при всей неопределенности и противоречивости *их сущего*. И все же они с необходимостью предполагают существование всеобщим образом, в качестве всеобщего.

С этой точки зрения всеобщее лежит в основе философской проблемы *различения и отношения сущности и существования*. Эта проблема имеет одним из своих источников

представление *о мире как порядке зависимостей*. На вопрос, чем определяется сущее, сам собою напрашивается ответ: существенным, главным. Однако, парадоксальным образом «сущность» – понятие, образованное от «существования», сущего, имеет значение всеобщего и поэтому строго определенного, сохраняет свой производный смысл. «Сущности» – это *не реальные, а идеальные понятия, охватывают и тем самым определяют* (обозначают предел: де-термин-ируют) явления или события. В этом определении с необходимостью устанавливается их смысл. Сами же нормы, идеи, идеалы не имеют (реального) смысла, а лишь обозначают его с определенной мерой строгости. Например, это идеи бесконечности или конечности мира, идея единства мира, идеи простого (элементарного) и сложного (комплементарного), истины, добра, красоты и т.д. В терминологии учения *Иммануила Канта*, идеи, сущности имеют регулятивное (направляющее) значение.

Нормы, идеи и сущности – это обобщения, которые собирают в себе предельное содержание настолько, что невозможно сказать, что это такое. Например, все попытки философов определить понятие *бытия* кажутся безуспешными. Само собой разумеющееся представление о бытии в философии в качестве идеи становится невероятно парадоксальным: одновременно предельно простым (следовательно, пустым) и предельно сложным (следовательно, не имеющим предела по содержанию).

В *принципе тождества сущности и существования* хорошо видно своеобразие философского мышления, которое своими идеями замещает все сущее. Конечно, жить такими идеями невозможно, но они необходимы для понимания жизни с точки зрения очертания её границ. Путь философии начинается с идей существования. Этот путь никогда не может быть завершен, и более того – иметь начало. Идеи всякий раз останавливаются у границ существования. Другое направление – от существования к идеям, охватывает виды, *модусы* (лат. *modus* – вид) существующего, и останавливается на понимании того, что *нечто существует, а что это такое, неизвестно*.

Это означает, что началом философии служит не разделение на *идеи и существование* и последующее рассмотрение отношения между ними, а открытие *идей существования*, когда идеи и существование берутся вместе. Это обстоятельство может служить аргументом против философии, поскольку в этом случае философия есть сфера родовидовых отношений, или порождения и подчинения.

Подобная парадоксальность показывает два вида всеобщего (сущности и существования) и подводит к следующему определению философии.

V. Всеобщее – это первоначальное во всех его смыслах².

² «Всякое всеобщее, каждый топоним некогда были изначальными». – Ясперс, К. Всемирная история философии. Введение / К. Ясперс; пер. с нем. К. В. Лощевского. – СПб.: Наука, 2000. – С. 232. «Топосы» (от греч. *topos* – общее место) – общее в мышлении, языке, споре, обсуждении.

Здесь всеобщее имеет значение *единого, лежащего в основе всего и охватывающее собой все – существующее и несуществующее*. Единое – это первичное, существующее независимо от всего, в том числе времени и любых изменений, и определяющее все.

Положение (статус) универсального характера философских понятий показывает источник всех философских проблем, их решений и суждений о них. Вся история философии – это примеры нахождения и утверждения тех или иных видов всеобщих явлений, их первоначального значения, доказательств и опровержений достоверности принятия чего-либо за первоначальное и всеобщее. Характерным примером служит противоположность *идеализма* (греч. *idea, eidos* – идеальная форма, вид) «линии Платона» и *гилеморфизма* (греч. *hyle* – материал, материя и *morphe* – форма) «линии Аристотеля». В средневековой философии эта противоположность нашла развитие в другой противоположности – между *реализмом и номинализмом*, а в философии Нового времени – между *рационализмом и эмпиризмом*. Если Платон открыл, установил *первичность* сверхчувственных, чистых форм, идей, то Аристотель – *единство* форм вещей и их материала. То, что это противостояние не было чудачеством или лишь словесной перебранкой мужей-философов, доказывается его существованием, претендующим уже на статус «вечного», в современной мысли. К примеру, вопрос, *существуют ли числа сами по себе, чистые формы, ли-*

шенные конкретного содержания (100, а чего?), имеет в современной математике, царице наук, утвердительное решение.

Следующее определение философии является продолжением и развитием предыдущего.

[7] *Философия есть следование всеобщему (или: исследование всеобщего).*

Древнегреческий философ *Гераклит* (около 540–480 г. до н. э.) утверждал: «Надо следовать всеобщему»³. Как возможно указанное следование, и, следовательно, сама философия? Древние мыслители считали, *подобное познается подобным*, прежде всего *посредством идея*. Последнее закрепилось в языке суффиксом – *ид*, образованного от слова *идея* (от греч. *eidos* – вид, образ): антропоиды (человекоподобные), астероиды (имеющие вид звезды) и т.д. На современном языке сущность познания образует отношение *тождества и различия*. Это означает, что всеобщее познается во всеобщих формах, прежде всего – *языке*. Под всеобщностью языка понимается его тождественность с космосом, бытием, жизнью или каким-либо другим мировым началом. Такая тождественность отличает язык от другой всеобщности и другого «языка», связанных с искусственной

³ Цит. по: Бибихин, В. В. Язык философии / В. В. Бибихин. – М.: Изд. Группа «Прогресс», 1993. – С. 107. Ср. с переводом А. В. Лебедева: «должно следовать общему» // Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От этических теокосмогоний до возникновения до возникновения атомистики. – М.: Наука, 1989. – С. 198.

универсальной применимостью знаков, которые стремятся заменить собою все вещи и, более того, – создавать новые вещи, новые реальности и новых людей, а также новые формы зависимостей. Такую всеобщность можно назвать «дурной», поскольку она опустошает естественное или неповторимое. Цветок можно заменить его описанием, пусть даже гениальным, поэтическим, и вызвать более утонченные переживания, чем простое его созерцание, однако цветок всегда будет сохранять свою естественную непонеповторимость и нерукотворность, тождественную с неделимой красотой всего мира. Здесь вполне уместен вопрос-проблема: *Необходимо ли следовать языку, и если да, то какому?* Сказанное имеет свое продолжение в следующем определении философии.

[8] *Философия – это предельное внимание к языку (слову) и миру (жизни).*

Как настаивает современный отечественный переводчик и философ *Владимир Вениаминович Биbihин (1938–2004)*, «Философия – мысль, отпущенная до пределов внимательного понимания»⁴.

Служение философии всеобщему является своеобразным пробным камнем философии. Дело в том, что в современной мысли всеобщее, как и подавляющее множество других философских и научных понятий, рассматривается *операционально* (лат. *operatio* – *действую*), т. е. с точки зре-

⁴ Биbihин, В. В. Язык философии / В. В. Биbihин. – М.: Прогресс, 1993. – С.383.

ния исследовательского действия, например теоретического конструирования, вычислений, эксперимента и т.д. *Всеобщее, сложное или простое* – это значения понятий, создаваемые или подтверждаемые действиями. Например, всеобщее (универсальное) – это нечто постоянное в некотором множестве действий (преобразований), а именно: понятия формальной логики как схемы внешних действий человека, физические постоянные, культурные универсалии, праязыки и т.д.

Процесс нахождения всеобщего в действиях является открытым, поскольку всегда есть стремление, к примеру, *что-то сделать проще простого*.

Вопрос о поисках чего-либо и о путях к нему предполагает решение вопроса о средствах. Например, сами по себе действия оказываются неопределенными и незавершенными, если не выражаются при помощи соответствующего им языка.

Корень вопроса о всеобщем заключается в средствах его достижения. Для философии характерны прежде всего *созерцание* (непосредственное видение, интуиция), *рефлексия* (мысль, обращенная на единство своего предмета и основания; мысль, возвращенная от предмета к себе в качестве ответа на запрос, сделанный предмету), *общение* (*сообщение, коммуникация*) – передача мыслителями своих идей, их доказательство или опровержение. Сразу же следует заметить, что *созерцание (интуиция), рефлексия и коммуникация* да-

леко не всегда считаются собственно философскими средствами, поскольку присущи другим видам интеллектуальной деятельности, или же, более того, как раз не присущи философии, когда, например, философия – не столько *место общения по поводу истины*, сколько *бесконечные, пустые споры, дискуссии ради утверждения превосходства*, в которых позиция противника либо замалчивается, либо искажается до неузнаваемости так, что складывается впечатление: философия – это диалог «глухих», буквально – *абсурд* (лат. *ab surdum* – от глухого, с глухим)⁵.

Язык философии – это её средоточие, сердце. Поэтому аргументом против философии служит именно утверждение *бессмысленности слов* (предложений), составляющих её здание (тело). Философские предложения ничего не означают, а являются скорее выражением эмоционального, сравнимого с поэтическим, чувства жизни. В самом деле, понятие *ничто* есть отражение чувства пустоты человеческого существования, переживания *ничтожности*, тоски, одиночества, тщетности всех усилий и т.д.⁶. На аргументы, подобные приведенному, можно ответить так: *проблема философии, её природа, место (статус) среди других видов деятельности и способы существования заключаются в предельности философско-*

⁵ Делёз, Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. С. Н. Зенкина. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С. 15–16.

⁶ Карнап, Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Р. Карнап; пер. А. В. Кезина. // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). – М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. – 69–89.

го мышления. Пределности, т.е. во внимании к границам человеческих способностей. Философия всегда *находится* (буквально: «и быть расположенной», и «быть достигнутой») на *горизонте сознания*, видимого и невидимого, непосредственного и опосредованного, поверхности и глубины, и т.д. Известное положение немецкого философа *Эдмунда Гуссерля* (1859–1938): «Между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла»⁷, – достаточно точно показывает место (топику) философских исследований. Конечно, можно возразить против данного утверждения требованием анализа употребленных в нем слов *сознание* и *реальность*, и, более того, доказать с точки зрения *эмпирического (опытного)* подхода, что эти слова суть фикции. Однако подобные возражения будут тем, что в логике называется *соскальзываем в бесконечную неопределенность уточнения значения терминов*. Другими словами, в таких случаях говорится одно и то же, то же самое (отсюда понятие *тавтология*), различие же заключается не в разделении утверждений на *истинные/ложные, имеющие смысл / бессмысленные*, а в подходах, которые предполагают свои критерии истины и смысла. Поэтому более жестким требованием к проверке философских предложений является *логический, или структурный*. Например, замена слов *сознание* на *осознание, реаль-*

⁷ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн 1 // Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – С. 264. Перевод с нем. А. В. Михайлова.

ность на описание событий (явлений) приведет к их терминологическому тождеству (идентичности) именно в рамках структурного анализа. Тождество, с логической (аналитической) точки зрения, есть условие истинности как предметов познания, так и предложений о них (прежде всего, их предметов и предикатов, т.е. сказуемых предложений), а также условием сведения философских предложений к проверяемым наблюдениям, или, по крайней мере, условиям возможности такой проверки, наблюдаемости. Иногда, в таком случае, *под философией понимается аналитика (логика)* – познания, сознания, языка и т.д., которая приводит предложения или к утверждениям и отрицаниям, а также их непрямым формам, так называемым *пропозициональным формам* (лат. *proposition* – предложение, высказывание, выражение), например, психологическим установкам, верованиям, убеждениям, допущениям и т.д., или к абсурду.

Подавляющее число современных аргументов, направленных против философии вплоть до утверждения о *смерти философии* или же за ограничение её возможностей, основывается на отрицании связи философии с реальностью, действительностью, бытием, жизнью. Это означает отсутствие у философских высказываний и понятий реального содержания и собственного смысла. Кроме того, подобные аргументы выражают своеобразную направленность в развитии философии: современная философия, в отличие от древней или мистической, не имеет своим непосредствен-

ным источником природу, жизнь, космос, действительность или же связана с ними через посредников – науку, религию, искусство, экономику, политику, технику. Такой подход к философии есть следствие все нарастающего *активизма* – явления, в котором исходной точкой рассмотрения мира и людей и оценки к ним служит активность, деятельность человека, мера изменения природы и человека в этом процессе. *Человек – это активист, деятель*. Принцип активизма есть выражение целой эпохи *модерна*, исторического движения к радикальному обновлению мира.

Принцип активизма предполагает в качестве своего другого (лат. *alter ego*) принцип *конкуренции*, ведущий, так или иначе, к принципу *превосходства*. Отчасти последнее провоцируется природой самой философии: философия – это дело предельного, превосходящего все другие, обобщения, возвышения ума. В данном месте важно следующее: *иногда под философией понимается форма интеллектуального превосходства*. Это – ложное понимание философии, делающее из неё *прибежище невежества, лентяев* (лат. *asylum ignorantiae*), внешнего подражания величию прошлого философии и примерам современного мышления, получение выгоды от такого подражания, например в виде утверждения «высоты» своего ума и положения за счет умения пользоваться трудами других, которые оцениваются подобными «философами» низко. Немецкий философ *Макс Шелер* (1874–1928), рассматривая явление конкуренции и связан-

ную с ней мораль, назвал таких людей *подло оценивающими*⁸.

В защиту философии, а именно её самостоятельности, работает понимание того обстоятельства, что при несомненном росте преобразования человеком мира, недопустимо сводить мир и самого человека к познанному, представленному, преобразованному. Вопрос о влиянии самой философии на рост познания и преобразований здесь неуместен, поскольку в этом влиянии философия переходит в другие, несобственные формы, например, говорится о «*превращении метафизики (философии) в физику*», «*философского учения о душе (антропологии) в психологию*» и т.д. Философия – это осмысление мира, однако её источником всегда был переход между необработанным и обработанным, непознанным и познанным в самых разнообразных видах, общее же обозначается термином *трансцендентное* (лат. *transcendere* – *переступать*). Философия, кроме того, может продолжать питаться силой своих великих традиций, однако этот ещё более обострит вопрос об отношении *философской традиции и современной философии*. Например, немецкий философ Вильгельм Дильтей (1833–1911) пришел к выводу: в ходе развития естественных и гуманитарных наук у философии не осталось собственного предмета, кроме самой философии, т.е. *философия есть осознание своей истории, самой себя, или философия философии*.

⁸ См. подробнее: Шелер, М. Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер; пер. А. Н. Малинкина. – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – 231 с.

Вопросы об отношении философии к росту знаний и преобразований, а также об отношении к собственной традиции сливаются в один: *как работают традиционные философские понятия?*

Здесь можно привести следующий аргумент, согласно которому *универсалии* (общие философские понятия) – это иллюзии, и поэтому «первейший принцип философии состоит в том, что универсалии ничего не объясняют, они сами подлежат объяснению»⁹.

Представленная точка зрения является традиционной, но взята из книги современных французских философов (точнее: философа и психоаналитика) *Жюль Делёза (1925–1995) и Феликса Гваттари (1930–1992)*, которые понимают под философией творчество, создание индивидуальных смыслов, единицей которых являются *концепты*. Весьма важно, что Делёз и Гваттари в своем исследовании опираются на классическую философию, прежде всего *школу стоиков*, однако для них следование традиции лишь путь, ведущий к его отрицанию – индивидуальному творчеству. Если философия – это открытие новых смыслов, то освоение традиции есть лишь его необходимое преддверие.

Отрицание необходимой связи с действительностью и традицией означает сведение её к своеобразному философскому *солипсизму* (лат. *solus* – один и *ipse* – сам по себе), при-

⁹ Делёз, Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. С. Н. Зенкина. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С. 16.

знания и доказательства существующим лишь одного мыслящего индивида, и *релятивизму* (лат. *relatio* – *отношение*) – принципиальной относительности, условности философских утверждений, более всего сравнимой с интеллектуальной словесной забавой, «игрой в бисер». В самом деле, «сбрасывание» груза реальных дел и ответственности перед традицией делает интеллектуала свободным в своих размышлениях и обеспечивает ему удовлетворение жажды гениальности.

Двадцатый век показал, как было с особой силой отмечено в работах *Эдмунда Гуссерля*, *Романо Гвардини* (1885–1968), *Никиты Николаевича Моисеева* (1915—2000) и др., что наука в радикальном влиянии на окружающий мир человека оставляет без ответа вопрос о *смысле* отношения человека с общим – самой жизнью. Кроме того, эта ситуация является постоянным источником кризиса основ самой науки. Решение этой ситуации заключается в возвращении исконного единства науки и философии, к единству человека и природы, другими словами, в восстановлении *всеобщего как такового*. История философии учит, что отрицание реальности всеобщего (его самостоятельного существования, объяснительной и доказательной силы) означает лишь отрицание одного его вида и утверждение другого. Весь вопрос в том, не означает ли это подмену истинной всеобщности ложной? Истинного слова лживым?

Всеобщее – это место приложения ума (разума) для до-

стижения истины. Истина и ум совпадают, это одно и то же, при установлении *того, что есть* (устарелое лат. *est – ina*). Вопрос о том, что *есть*, представляется простым, поскольку всегда предполагает *ясные и очевидные ответы*. Однако очевидность и ясность – это характеристики ума, проделавшего труднейшую, невидимую, скажем так: вековую работу анализа. Очевидность и ясность – это признаки всеобщности ума, который исчерпал в этой работе содержание своего предмета до предела. Если не видеть этой работы, то сделанное умом представляется довольно скучным. Здесь можно привести для примера *даоский текст Чжуанцзы* (ок. 369–286 г. до н.э), в котором приводится рассказ мясника-повара о своем искусстве разделки туш на основе учения *дао* (китайское: *путь*):

«[Я, ваш] слуга, привержен пути более, чем [своему] мастерству! Когда [я, ваш] слуга, стал впервые разделять быка, то видел лишь тушу, а через три года перестал замечать животное как единое целое. Теперь же я не смотрю [на него], а понимаю [его] разумом, не воспринимаю [его] органами чувств, а действую лишь разумом <...> Хороший повар режет, [а потому] меняет нож раз в год. Посредственный повар рубит, [а потому] меняет нож раз в месяц. Ножу [вашего] слуги ныне девятнадцать лет, [я] разделал им много тысяч бычьих туш, а лезвие у него словно только что заострено на точильном камне»¹⁰.

¹⁰ *Чжуанцзы* / Пер. Л. Поздеевой // Дао: гармония мира. – М.: ЗАО Изд-во

(Интересно, что подобное сравнение поварского искусства с «эйдетической», аналитической феноменологией приводит Платон в диалоге «Федр»¹¹).

Эта притча – хороший пример *умо-зрения*, философии, имеющей силу в практических делах, более того, дающей преимущество в них. Это странное *сочетание ума и зрения образует философию*. Начало философии образует также другое единство: *ума и слова*. Здесь можно привести такое определение слова. *Слово – это проявление, произнесение ума*. Внимательное отношение древних к слову, столь серьёзное, что сопоставимо со сверхъестественным, объясняется представлением о тождестве ума и всего сущего, существования ума в каждой вещи. Понять вещь означало внимать ей. Вещи рассказывали о себе. Другими словами, для древних слово, ум, истина и бытие суть одно и то же. Начало философии связано с пониманием, что не всякое слово говорит о существующем: есть слова (греч. буквально: *миф, рассказ*), в которых смешивается сущее и несущее. Поэтому философия усилила изначальное тождество слова, ума и истины, т.е. выдвинула требование *прозрачности языка*. Само слово (логика) становились мерой существования. Доказательная сила ума стала тождественной прозрачности слов. Хотя в древней философии имела место страсть к разреше-

ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. – С.166–167.

¹¹ Платон. Федр 265e / пер. А. Н. Егунова // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1993. – С. 176.

нию загадок (например: что самое быстрое?), которая позднее была развита *софистами* в риторике в способность доказывать все что угодно, делать слабое сильным, а сильное слабым (это один из пунктов обвинения, предъявленного *Сократу*), а еще позднее логика все более становится средством математического вычисления (исчисления), *принцип тождества истины и слова сохраняется в современной философии*. Сам по себе спор о словах вызывает неприятие. О словах не спорят, если слова – не мнения, а проявления чего-то чрезмерно большего – жизни или бытия. Словам внимают или нет. Слова сохраняют самое важное для человека. На это указывает известное утверждение немецкого философа *Мартина Хайдеггера (1889–1976)*:

«Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает сам человек, мыслители и поэты – хранители этого жилища»¹².

Очевидность и ясность ума, прозрачность языка достигается двумя путями: 1) интуицией, видением, созерцанием; 2) строгим и последовательным анализом. Эти пути ведут к следующим определениям философии.

[9] *Философия – это идеи* (греч. *eidōs* – вид, образ).

По этимологическому определению, философия – это стремление к мудрости. Мудрость различается в двух видах: *высшая*, связанная с устройством мира, наличием в нем высшего существа, порядка (физического, социального, мо-

¹² *Хайдеггер, М.* Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер; пер. В. В. Бибихина // *Время и бытие: ст. и выступ.* – М.: Республика, 1993. – С. – 192.

рального и т.д.), цели, смысла и т.д., и *человеческая*, которая отождествляется со здравым смыслом, общим (теоретическим) чувством (например, вкусом, уместностью поведения, гуманностью и т.д.).

Философия стремится соединить оба вида мудрости, т.е. её влечет мудрость вообще. В этом смысле *философия* – это область абсолютного (лат. *ab solve* – *отрешенное, отвязанное, безусловное, освобожденное*). Абсолютное – независимое от всякой физической, реальной зависимости, это – некий отрешенный от непосредственной, наличной действительности взгляд. Это сверхреальное в значении *идеального предела, горизонта*, в котором сходятся мудрость мироустройства и мудрость человека. Абсолютное, идеальное – то, что видится, но не физическим зрением, а умозрением, а именно в идеях, путь к которым всегда равен открытию.

[10] *Философия* – это строгая наука, аналитика, проясняющая и объясняющая всеобщую схему видов деятельности и их языки. Анализ – это своего рода разрешение (греч. *analysis* – *разрешение*) мышления и познания от внутренних трудностей, проблем и бремени методологических вопросов и формальных тонкостей, требующих внешнего – здесь: философского, метафизического – вмешательства. Особенностью философии является *отнесение аргументов* не только к предмету обсуждения, но и к самим основаниям размышления (исследования). Такое само-отнесение в логике называется *рефлексией* и служит началом критического ума.

Философия, по своей природе, есть способность критического ума подвергать сомнению основания существования (так называемое доказательство *права на существование*), действия (*право на действие*), мышления (*воля к мышлению*), познания (воля к истине). Здесь необходимо различать *догматизм*, принимающего основание или волю без анализа, *скептицизм*, подвергающий разрушающей критике любое основание, и *критицизм*, применяющий сомнение для нахождения положительного основания, очевидного.

Итак, философия – это не красивый ярлык, «*lable*», а весьма трудная работа, положительный результат которой может быть только косвенным, только тогда, когда бывают востребованными философские идеи, прежде всего в образовании человека в самом широком смысле этого понятия.

Интерес людей обычно привлекает описание жизни, особенностей поведения и мнений философов. Такой вид истории философии называется *доксографией* (греч. *doxa* – мнение и *grapho* – пишу). Однако для настоящего понимания философии важнее анализ её исторического становления, в котором отбрасывается все случайное и сохраняется (в традиции) необходимое. Это относится как к самой истории философии, так к её анализу. Другими словами, история философии – это испытание философских идей и учений временем, которое оставляет самое существенное в философии – *философию как таковую*. По верному замечанию немецкого философа *Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831)*:

«Мы в истории философии имеем дело с самой философией»¹³.

Время – безжалостный, жесткий судья, и то, что идеи древних и более поздних философов сохраняют свое значение и привлекают интерес до сих пор, служит доказательством их постоянной современности. Если для науки в целом её история представляет собой музей, сохранение того, что было исторической ступенью в познании, и от которой познание отказалось в пользу других, более совершенных форм, то история философии – это лаборатория, рабочее место, в котором осмысливается современность. Рост научного знания и перемены в обществе очевидны, однако в этих изменениях остается нечто постоянное, прежде всего мышление людей, которое следует назвать *изначальным*, и строго отличать его от *рассудка*, суть которого заключается во внесении порядка, правил, однообразности в данное чувствами (*sense data*) и действиями. Здесь можно согласиться с утверждением французского антрополога *Клода Леви-Стросса* (р. 1908), что люди всегда мыслили одинаково хорошо, и мышление дикаря не отличается по своей логике от мышления современного ученого, и люди с изменением условий жизни не стали мыслить лучше.

Удивление перед самой способностью мыслить и открывшимся ей миром положило начало философии. Поразитель-

¹³ Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн.1 / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1993. – С. 84.

ным было и другое. Ум, мысль стали мерой существующего. Позднее это было названо философским преувеличением (точнее: *гипостазированием* – от греч. *hypostasis* – *наделение существованием, предположение*), наделением свойством существования форм-содержания мышления. Мысль определяла, что существует, а что нет, и, следовательно, проводила различие между истиной и ложью. Это послужило основой другой важнейшей черты философии, а именно, устанавливать истину посредством доказательства и опровержения. Испытаниями мысли и действительности стали обсуждения, которые обозначали их возможности и границы. История философии – это историческая работа мысли над собой. Поэтому верно утверждение русского философа *Алексея Федоровича Лосева (1893–1988), история философии – это школа мысли*. В этом смысле история философии есть своеобразная *филиация* (от лат. *filius* – *сын*) *идей*, их наследование, передача. Конечно, философия всегда испытывает внешние для нее влияния со стороны характера общественных отношений, политики, религии, науки, искусства, нравственности, обыденного сознания и т.д. Это обстоятельство особенно хорошо видно на судьбе отечественной философии, причем настолько, что вполне открытым является вопрос, *была и есть ли в России своя собственная философия?* Основным аргументом против утвердительного ответа служит доказательство того, что в России нет философских традиций (филиации идей), более того, традиций свободной

мысли, которая всегда была и есть под влиянием власти, церкви или простого невежества, неуважения к уму («горе от ума»). Филиация идей заключается также в том, что *философ тот, кто способен начать с самого начала, а именно мысли*. Не чьей-либо мысли, а мысли самой по себе и следовать за ней. Это хорошо видно на примере одного из ключевых понятий современной философии – *переживание*, которое усиливает значение индивидуально-личного события.

Средоточием философии является её вопросы и их разрешения. Вопрос показывает горизонт мыслимого и немислимого, возможного и невозможного, определенного и неопределенного, и т.д. Вопрос – это движение мысли к своему предмету, и создание его в этом движении. В этом смысле философию можно рассматривать в качестве набора вопросов, которые стоят перед ней. Структура данного *Введения* строится исходя из положения о философии как вопрошании.

Немецкий социолог *Макс Вебер (1864–1920)* зимой 1918 года прочитал доклад перед студентами Мюнхенского университета. Германия вступала в эпоху глубочайшего кризиса. Вебер поднимает перед студентами вопрос о призвании ученого. Дело не только в том, что в университетах стали появляться «вожди» от науки. Главное, что оптимизм, вызванный достижениями науки, «техникой овладения жизнью», замечает Вебер, сделал ученых безразличными к вопросам о ценностях и смысле жизни. Он приводит пример

Льва Толстого, для которого поиски смысла жизни были мотивом творчества и поступков. Для Вебера молодым ученым необходимо обратить внимание на ложность жесткого противопоставления понятий факта и ценностей, *прагматизма и философии культуры*, и он призывает их к нравственной ответственности перед собой, «*дать себе отчет в конечном смысле собственной деятельности*»¹⁴.

Дело философов работать на грани разума и безумия, осмысленного и бессмысленного, но не только философов. Каждый человек так или иначе приходит к этим вопросам. Какую-то помощь им окажут философы, которые подчинили свою жизнь решению этих вопросов. Для студентов в процессе учебных занятий имеется возможность, которой может и не быть позднее, под руководством преподавателя, в диалоге с ним, понять, или скромнее – подойти, к пониманию философии. Вероятно, данное *Введение* будет способствовать этому.

¹⁴ Вебер, М. Наука как призвание и профессия / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер; общ. ред. Ю. Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 730.

Глава 1. Особенности философии

На вопрос, *что это такое*, например философия, можно ответить различными путями: 1) *простым (прямым) указанием* («это – яблоко», «это – алое», «это – философия» и т.д.); 2) *формально-логическим определением, прежде всего через ближайший род и специфическое отличие* («человек – это животное, которое относится к классу млекопитающих, отряду приматов и семейству гоминид», «философия – это всеобщая наука», где философия подводится под род – «наука» и специфическое отличие – «всеобщая»); 3) *указанием на реальные признаки* («летом тепло, а зимой холодно», например: *философия – это то, чем занимаются философы*; в этом случае философия определяется в качестве рода деятельности).

Путь непосредственного наблюдения философии и выявление её признаков невозможен, как невозможны *«зеленые понятия»*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.